

ние их, их подвиги взяты не сами по себе — они производные их психологии. Алеша Попович с его лукавством и хитростью, Добрыня Никитич с его „вежеством“ и душевною тонкостью, „старый“ Илья Муромец — мудрый, рассудительный, опытный и скромный — всё это психологически обрисованные герои.

Литература феодализма также знает психологические характеристики. Они имеются в литературе церковной — переводной и оригинальной, — в житиях святых, в частности и в Киево-Печерском патерике. Однако в этой церковной литературе психология действующих лиц подчинена морали, назидательному смыслу произведения. Немногие психологические качества уловлены и преломлены в литературном произведении только через призму христианской морали. Христианство обращало литературу к психологической наблюдательности, но настолько подчиняло ее своим задачам, что светскую литературу затрагивало в очень малой степени.

Нет ни одного штриха, который позволял бы с полной уверенностью возвести некоторые элементы психологической наблюдательности светской литературы XI—XIII веков к народному эпосу. Нет уверенности и в том, что народный эпос этого времени отличался той же психологической наблюдательностью, что и современный.

Кое-что всё же в обрисовке действующих лиц летописи позволяет предполагать родство с фольклором.

К народному творчеству, очевидно, восходят в летописи и в других произведениях литературы характеристики действующих лиц по их какому-либо одному крупному деянию. Так охарактеризован, например, в Киево-Печерском патерике князь Африкан: „Князь Африкан, брат Якуна Слепого, и же отбеже от златаы луды, биася полком по Яро-славе с Лютым Мьстиславом“.¹

Перед нами как бы напоминание о всем известном подвиге, деянии или случае. Так характеризуются, в частности, и некоторые из действующих лиц „Слова о полку Игореве“: „...храброму Мстиславу, иже зарьза Редедю предъ пьлкы касожьскими“, „... до нынѣшняго Игоря, и же истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, напальнився ратнаго духа, наведе своя храбрыя пьлкы на землю Половѣцкую за землю Руськую“.

Замечательно, что в летописи этим способом представляются читателю многие из знаменитых половецких ханов: „... Концаку, и же снесе Сулу, пещь ходя, котел нося на плечеву“;² „... Севенча Боняковича... и же башеть рекл: «хощю сечи в Золотая ворота, яко же и отець мой»“;³ „... Алтунопу, и же словяше мужьством“.⁴

Напоминанием читателю о том или ином подвиге, деянии, сделавшем знаменитым действующее лицо летописи, представляются нам и рассказы начальной летописи о первых русских князьях. Эти первые русские князья — Олег, Игорь, Ольга, Владимир Святославич или Мстислав Тмутараканский — характеризуются главным образом со стороны мудрости или подвигов мужества.

Народный характер имеют и общие характеристики жителей какой-либо местности. Киевляне называли новгородцев „плотниками“.⁵ Ростовцы,

¹ Д. Абрамович. Киево-Печерський патерик. Киев, 1931, стр. 1.

² Ипатьевская летопись, под 1201 г., стр. 480.

³ Там же, под 1151 г., стр. 299.

⁴ Там же, под 1103 г., стр. 184.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под 1016 г., стр. 15.